

УДК 81'27 - 116

ТОП – ИНВАРИАНТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В.А. Садикова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Высказывание рассматривается как *языковая* единица, инвариант, который – в отличие от конкретных речевых высказываний – именуется топом. Система инвариантов-топов представляет собой базовую систему общения.

Ключевые слова: *предложение, высказывание, топ, потенциальный знак, инвариант.*

Высказывание можно понимать не только как *результат*, т. е. нечто сказанное, не только как *процесс* «сказывания», но и как *единицу* «сказываемого». Эти единицы существуют в нашем сознании и по мере надобности используются в процессе речевой практики: РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ) и ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, ИМЯ и СИМВОЛ, СВОЙСТВА (признаки, качества), СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (или ПРЕТЕРПЕВАНИЕ; термин Аристотеля), т. е. подверженность действию, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО. Они представляют собой *систему*, которую мы (в соответствии с первоисточниками) именуем *топикой*, а единицы, составляющие эту систему, – *топами*. Эта система структурирует любые сложные смыслы, обеспечивая не только линейность, но и объёмность, глубину нашей речи. Топы не заданы исследователем, а функционируют в естественном языке/речи носителей языка. Список не претендует на иерархичность, потому что в реальной спонтанной речи все эти единицы функционируют как равноправные. Какая из них понадобится нам в данный момент общения, зависит от ситуации. Иерархичность топов *появляется* только в конкретной речи, определяется говорящим, т. е. связана с конкретным высказыванием и его объёмом, с тем, *какая реальность* в данный момент *актуализируется*. Эта иерархия невероятно *пластична*: в каждый следующий момент общения мы имеем дело с новым «здесь и сейчас», на которое немедленно реагирует топическая система. При этом структурируется текст *речи как общения*, т.е. с учётом всех *экстралингвистических* факторов, актуальных «здесь и сейчас» в каждый текущий момент коммуникации. В то же время *топ* остаётся *лингвис-*

тической единицей, потому что отражает (и выражает) функционирование языка в процессе общения людей.

Понятие *топа*, вводимое нами в качестве *единицы*, органично включающей в себя лингвистические и экстралингвистические параметры высказывания, в какой-то мере способно разрешить те противоречия, которые на протяжении продолжительного времени привлекают внимание учёных относительно таких понятий, как «суждение», «предложение», «высказывание», «сверхфразовое единство».

К.Ф. Беккер, Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев *предложение* полагали совпадающим с логическим *суждением*. В качестве языковой единицы предложение получило разные интерпретации: как сложная неоднородная структура (Д.Н. Шмелёв, Н.Ю. Шведова, Ю.С. Степанов); как синтагматическая цепь связей и отношений (Л. Блумфильд, Л. Теньер); как единица значения (Л.В. Щерба, О. Есперсен) и т. д. Учёные обратились к исследованию и сложного *полипредикативного* предложения (Г.П. Уханов), и целого текста как «сложного синтаксического целого» (Л.М. Лосева, Г. Я. Солганик) или «сверхфразового единства» (Н.А. Левковская, В.Е. Шевякова, В.Г. Адмони). Исследование текста было выделено в самостоятельную отрасль – *лингвистику текста* (Т.М. Николаева, В.Г. Гак, И.Р. Гальперин и др.). В то же время учёных интересовала проблема *речевой* единицы, большей, чем предложение. Её искали А.Х. Востоков, А.М. Пешковский, Л.А. Булаховский, И.А. Фигуровский, Х. Вайнрих и другие отечественные и зарубежные учёные.

Осознанное как «речевая единица», *сверхфразовое единство* рассматривалось с точки зрения внешней связности, обеспечивающей общностью темы, развертыванием её в последующих предложениях, повторной номинацией, порядком слов и т. д. То есть рассматривалась связь между *предложениями*, а не собственно единство и его новые, обеспеченные именно единством, целостностью, качества. *Сверхфразовое единство*, хотя и признавалось единицей (речевой), никак не классифицировалось. «Единица» усматривалась или в объединении нескольких предложений по смыслу (в речи), или в сегментации готового речевого продукта (текста) тоже «по смыслу», т. е. интуитивно, хотя уже в Академической грамматике 1970 г., как отмечает В.А. Звегинцев, признавалось, что «*понятие высказывания шире понятия предложения*» [5, с. 162]. Однако приоритет предложения несомненен и здесь: «не всякая единица, служащая средствам и целям общения, заслуживает возведения в ранг предложения», хотя «за вычетом предложений остается "коммуникативный остаток" – судя по всему, весьма обширный, – который не удовлетворяет тем условиям, которым должно удовлетворять предложение» [цит. раб., с. 163]. Таким образом, этот «коммуникативный остаток» признаётся высказыванием, но его изучение предполагается в лингвистике текста, которая, в основном занимается *художест-*

венным текстом, а «за бортом» остаётся огромный пласт неисследованных языковых/речевых явлений, которые не систематизируются.

Поскольку предложение считалось крупнейшей языковой единицей, «достойной» изучения, то практически большинством исследователей *предложение* и *высказывание* не различались, и выводы делались в рамках предложения даже в том случае, если существование сверхфразового единства (или его аналога) признавалось. В лучшем случае *высказывания* подразделялись на *цельные* и *элементарные*: «Под цельными высказываниями, в строгом смысле этого слова, понимаются те, которые охватывают всё высказывание (любого характера) полностью, от самого начала до самого конца. Это любой диалог или любое полифоническое единство, любой текст любого размера. <...> Элементарные высказывания – это мельчайшие составные части цельного единства, образующие структурные единства. В диалоге это реплика или вопросно-ответное единство, в развёрнутых устных и письменных высказываниях это сверхфразовое единство, абзац, а как минимальная единица – предложение [1, с. 7–8]. По В.Г. Адмони, «коммуникация требует не отдельных лексем, а их соединения, только и позволяющего не просто обозначить что-то, но и совершить осмысленное высказывание, а такое высказывание <...> и является уже структурой грамматической, а именно предложением» [цит. раб., с. 35]. Учёный подчёркивает линейность текста, «цепь высказываний». Настаивая на том, что «структурной основой речевой коммуникации является предложение», В.Г. Адмони, в то же время, утверждает, что «для различных видов речевого высказывания характерны колоссальные отличия в их соотношении с предложением» [цит. раб., с. 51]. Однако о *видах высказывания* он как раз ничего и не говорит, различая, собственно, кроме уже указанных *элементарных* и *цельных* высказываний, еще *разовые* и *воспроизводимые* высказывания, соотнося первые с устной спонтанной речью, а вторые, соответственно, с письменной, фиксированной. Более детальная классификация *разовых высказываний* заключается, по В.Г. Адмони, в «тематическом членении» диалогов [цит. раб., с. 71–74], а *воспроизводимых высказываний* – в анализе текста, специфика которого сводится, по большому счету, только к его размерам [цит. раб., с.86–90].

Под «осмысленным высказыванием» учёный понимает, видимо, высказывание, оформленное и доступное *другому*, что вполне закономерно. Однако мысль наша не рождается грамматически оформленной; она сначала появляется в неких «*имманентных*» формах» (которые мы отождествляем с топами) и только потом ищет грамматически адекватные формы для своего выражения. Эти «имманентные формы» в равной мере доступны как говорящему, так и слушающему, т. е. составляют их общую базу взаимопонимания.

Ведущий представитель американского структурализма Н. Хомский также работает сугубо в рамках предложения, строя свои лингвистические изыскания на различении лингвистической компетенции и употребления языка, понимая под первой – универсальную способность человека усваивать язык, под вторым – умение трансформировать глубинные структуры в поверхностные структуры, т. е. в конкретные высказывания – грамматичные или не грамматичные [10].

Таким образом, понятие *сверхфразового единства* не позволило «восстановить недостающие звенья при переходе от синтаксиса предложения к синтаксису целого текста» [8, с. 435], потому что исследования лингвистов ограничиваются *синтаксическим* уровнем языка как верхним ярусом, доступным лингвистике, а *предложение* рассматривается как единица этого верхнего уровня, обеспечивающая коммуникативно-смысловое общение.

Еще в шестидесятые годы прошлого века появился лингвистический словарь, в котором определение высказывания соотносится *не с предложением, а с условиями его реализации*: «Высказывание (акт коммуникации), англ. utterance, нем. Aussage, исп. enunciando, *единица сообщения*, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушающим в данных условиях языкового общения» [2, с. 94], однако и в этом определении под *высказыванием* понимается *линейная* последовательность с *завершённым* смыслом и не рассматривается возможность выявления *инвариантов* высказывания, хотя понятие *инварианта* в языке (в других его проявлениях) закономерно утверждается: инвариант – это «элемент абстрактной системы языка в отвлечении от её конкретных реализаций» [цит. раб., с. 176].

В основе определения *высказывания* сегодня лежит понимание высказывания как единицы речевого общения, предложенное Бахтиным, однако связь *высказывания* и *предложения* выражена весьма осторожно и нерешённость проблемы их различия очевидна: «Высказывание определяется по отношению к понятию предложения. В зависимости от разных методов анализа и теоретических подходов отличие высказывания от предложения видят в объеме, структурном, содержательном и функциональном планах» [8, с. 90].

Хотим отметить, что проблема *высказывания/предложения* есть следствие более общей проблемы, суть которой очень убедительно обрисовал А.Е. Кибрик: «В языкознании сосуществует достаточно большое количество интегральных концепций (моделей) языка, описывающих его устройство с разной степенью конкретности, детальности и в конечном счёте достоверности. Эти модели во многом противопоставлены друг другу и существуют на правах альтернативных гипотез, но часто представление о языке приравнивается к той или иной модели, хотя *число общих свойств, приписываемых языку всевозможными мо-*

делями, сравнительно невелико. В целом практически все существующие модели языка, как статические (классическая традиционная грамматика языка, концепция Соссюра, Ельмслева и др.), так и динамические (генеративная грамматика, модель "СМЫСЛ-ТЕКСТ" и др.), *страдают недоучетом предопределенности языка, производности его от речевой деятельности и прагматических условий общения* [7, с. 16]. В русле задач, рассматриваемых нами, продуктивным представляется функциональный подход, при котором высказывание определяется как единица, которая может быть равна, но может быть и не равна предложению. Эта позиция восходит к В. Матезиусу, который, однако, также остается в рамках предложения, хотя и «актуально членённого». А высказывание рассматривается всего лишь как языковой материал для исследования. Примером такой интерпретации высказывания может служить позиция И.П. Сусова, (который, в свою очередь, ссылается на Ю.С. Маслова), где «процедура выявления единиц языковой системы» исключает из этой системы собственно высказывание [9, с. 69].

Топ как *инвариант* высказывания, как его структурно-смысловая единица позволяет выделить ряд единиц более высокого уровня, следующего за предложением и имеющего *нелинейный* характер. Систему таких инвариантов следует рассматривать в качестве *синтетических языковых единиц*. Мы мыслим и говорим высказываниями, т. е. *конкретизированными топами*, а не предложениями. Топ может совпадать или не совпадать с предложением. Он может быть реализован неограниченным количеством предложений или равен слову, если обладает определёнными качествами, которые можно было бы охарактеризовать как *качества высказывания*.

Ведущим таким качеством считаем *аргументативность*, понимаемую как *убеждаемость*. Общаясь, мы постоянно аргументируем свои действия и мнения, т. е. стремимся кого-то в чем-то убедить. Мы приводим ПРИМЕР (топ), чтобы убедить, указываем ПРИЧИНУ (топ), чтобы убедить, даём ОПРЕДЕЛЕНИЕ (топ), чтобы убедить, приводим СВИДЕТЕЛЬСТВО (топ) и т. д., чтобы убедить. Другими словами, «имманентная форма», структурно-смысловая модель этой аргументативности и определяет тип высказывания как такового – одновременно – в лингвистическом и коммуникативном смысле. *Конкретное* содержание ПРИМЕРА, ПРИЧИНЫ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, наполнение *топа* и его объём зависят от личности говорящего, предмета высказывания, конкретных условий реализации высказывания, характера общения. При этом от грамматического оформления принадлежность высказывания к тому или иному виду топа практически не зависит.

Линейность топа относительна; его способность изменяться при изменении объёма высказывания очень важна как для содержания вы-

сказывания, так и для его логичности. В то же время *различимость*, которая является главным свойством знаков, принципиальна для топов и отражена уже в их наименованиях.

Э. Бенвенист считает, что «только понятие уровня поможет нам обнаружить во всей сложности форм своеобразии строения частей и целого» [3, с. 434]. Опираясь на позицию Э. Бенвениста, И.Р. Гальперин задается вопросом, «является ли текст *уровнем языка*» [4, с. 3]. Но уровень языка представляет собой совокупность *единиц*, потому что не способный члениться или членимый исключительно формально (например, на абзацы или предложения) уровень бесперспективен как в гносеологическом, так и в методологическом (и методическом) плане. *Единицы* уровня текста И.Р. Гальпериным не были выделены. Именно поэтому, вероятно, в конце книги он уже не говорит о тексте как уровне языка, но о статусе текста, обусловленном определёнными «категориями и параметрами» [цит. раб., с. 135], которые, как считает сам автор, другим исследователем могут быть выделены иначе. И.Р. Гальпериным анализируется текст как *результат* речетворческой деятельности и выделяется, собственно, только *одна* единица (сверхфразовое единство), которая не характеризуется *качественно*. Именно поэтому оказалось невозможным доказать, что текст представляет собой *речевой* или (тем более) *языковой* уровень.

Любой языковой знак выделим и автономен, но абстрактность и обобщённость топа, его *диалектическая* природа, позволяющая трансформироваться одному топу в другой в зависимости от объёма высказывания и актуализации того или иного аспекта высказывания, отличает его от знаков других языковых уровней. Абстрактно-обобщённая природа топа как языковой единицы заключается, в первую очередь, в том, что материальная составляющая топа как означающего возникает только в реальном высказывании; само высказывание и есть его материальное означающее.

Установленное С.О. Карцевским в 1929 году свойство «асимметрии» сторон знака, их способность как бы «скользить» относительно друг друга [6, с. 85] в топике связано, прежде всего, с *объёмом* высказывания. В то же время, если двусторонний характер языкового знака предполагает наличие регулярного способа его выражения, то ничто не может превзойти топ в регулярности, устойчивости и стереотипности. Можно привести массу ситуаций – типичных, регулярно повторяющихся, когда мы в процессе общения говорим примерно следующее: *Что из этого следует? Какова причина твоего поступка? Что ты думаешь делать? Приведи пример. А конкретнее...* и т. п. Эти вопросы и уточнения ориентируют собеседника на соответствующие структурно-смысловые модели (топы): СЛЕДСТВИЕ, ПРИЧИНА, ДЕЙСТВИЕ, ПРИМЕР, ЧАСТНОЕ т. д. И какую бы синтаксическую форму ни вы-

брал собеседник для ответа, какую бы лексику он ни использовал, если он хочет быть точным, логически адекватным, а главное – понятным, это будут соответственно: следствие, причина, действие, пример и т. д.

Если обратиться к принятой сегодня в лингвистике типологии языковых знаков, то топ следует определить как *потенциальный знак*: «Знак потенциальный (знак нереализованный, знак виртуальный) *англ.* virtual sign, *фр.* signe virtuel. Коммуникативная единица как часть системы языка в отвлечении от фактов (факта) её (конкретного, данного) воспроизведения (реализации), т.е. знак языка в отличие от знака речи как знака актуализованного» [2, с. 159]. Более определённо на этот счет высказывается А.Е. Кибрик: «Не всем значимым языковым сущностям соответствует некоторая сегментная оболочка. Значительная часть смысла высказывания выражается супрасегментными средствами» [7, с. 15]. Далее учёный конкретизирует эту информацию: выделяет *конверсию*, когда слово «из одной части речи переводится в другую», *компрессию*, «когда в одном означающем слито несколько означаемых», *пресуппозиции*, «составляющие существенную часть значения всякого высказывания». Топы в определённом смысле пополняют этот ряд «супрасегментных средств», но они обладают значительно большей системностью в языке и регулярностью функционирования в речи, чем другие супрасегментные средства. Если *пресуппозиция*, например, определяет в данной конкретной ситуации характер и объём общей для говорящих информации и обеспечивает её истинность, то топы априорно существуют в сознании общающихся как общая база, обеспечивающая адекватную ориентацию в ситуации общения. Анализ понятия *пресуппозиция* и взглядов на него, а также классификации *пресуппозиций* представлены в работе В.А. Звезгинцева [5].

В языке (и мышлении) топы существуют как виртуальные знаки-модели, а в речи – как высказывания, «модельность» которых *меняется* в зависимости от *перманентной цели* говорящего в *данный момент общения* и от *объёма высказывания*. Их конкретное наполнение в реальной речевой ситуации зависит от того, какой топ в данный момент является наиболее оптимальным для выполнения задачи убеждения. Адресант *использует* природные отношения для адекватного убеждения, *актуализируя* те или иные стороны этих отношений в зависимости от задачи общения «здесь и сейчас». Причем эти процессы происходят в основном неосознанно, просто в силу приобретённого ранее жизненного опыта. Таким образом, топ не просто супрасегментное средство, а абстрактная *языковая* единица сверхсинтаксического уровня, *качественно* определяющая дискурс/текст, структурирующая его в процессе естественного речевого общения.

В семиотике принято выделять три аспекта языка: *семантику*, *синтактику* и *прагматику*. На наш взгляд, *топика* имеет прямое отно-

шение к семиотике как *четвёртый аспект языка*, связывающий мысль и речь через язык, тем самым диалектически обуславливая три другие его аспекта. Ни синтактика, ни семантика, ни прагматика не рассматривают *базовую* систему знаков, которая позволяет, с одной стороны, в самом общем виде ориентироваться в этом мире, с другой стороны, – адекватно понимать друг друга.

Способы лексического наполнения и структурного оформления топов многообразны и не соответствуют каким-либо определенным синтаксическим конструкциям. В этом многообразии заключается неисчерпаемость возможностей топов как структурно-смысловых моделей. Топы диалектически взаимосвязаны, но каждый из них обладает собственной *качественной* характеристикой. Топы могут трансформироваться один в другой или выражаться одновременно одними и теми же языковыми средствами – в зависимости от характера и параметров дискурса, его объёма и текущих изменений в речевой ситуации. Однако каждый из них обладает собственной спецификой, связанной с той задачей, которую необходимо выполнить говорящему в данный момент общения. Эти задачи чаще всего говорящими не осознаются и выполняются интуитивно, как осуществление естественной логики общения. Если *предложения* в речи могут оказаться неполными, фрагментарными, не соответствующими грамматическим и синтаксическим нормам и т.д., то *топы* охватывают *все* высказывания, *всю* речь в любой реализации, даже в том случае, если мы говорим грамматически неправильно, но коммуникативно значимо, т. е. содержательно, относительно логично, а главное – убедительно и доступно для собеседника. Другими словами, *для топов нет «неправильной» речи, если собеседники друг друга понимают*. Именно топы обеспечивают эффективность коммуникации.

Выбирая для употребления тот или иной знак-модель, человек руководствуется ситуационными, текущими задачами речевого общения, которые могут меняться в процессе спонтанного общения. Выбор происходит бессознательно. Однако этот процесс не хаотичен, не произволен, потому что топ как *потенциальный знак-модель*, как *инвариант* обеспечивает структурированность будущего высказывания уже на уровне зарождения мысли. Топ в действии есть *объективный акт референции*, указывающий на *отношения* между предметами, явлениями, ситуациями, действиями, впечатлениями и т. д., актуальными в данный момент для общающихся. Другими словами, топика структурирует не собственно речь, а «речь, погружённую в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), т.е. дискурс. Итак, топика – это система потенциально полных объективно-абстрактных языковых знаков-моделей, типология инвариантов высказывания на уровне языка. Полагаем, что в целом наша речь диалектически обусловлена наличием этой базовой системы знаков-топов в языке.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В.Г. Адмони – СПб: Наука, 1994. – 154 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к действительности [Текст] / В.А. Звегинцев – М.: Изд. МГУ, 1976. – 308 с.
6. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С.И. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. – Часть II. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85–90.
7. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] / А.Е. Кибрик – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Сусов И.П. Введение в языкознание: Учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей [Текст] / И.П. Сусов – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 380 с.
10. Хомский Н. О природе и языке. С очерком: «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия» [Текст] / Н. Хомский; пер. с англ. П.В. Феденко. – М.: КомКнига, 2005. – 288 с.

TOPIC – AN INVARIANT OF THE UTTERANCE

V.A. Sadikova

Tver State university, Tver

The Utterance is considered as language unit, invariant, which - unlike concrete speech utterances - is referred to as topics. The System invariant- topics presents itself base system of the contact.

Keywords: *offer, utterance, topic, potential sign, invariant.*

Об авторе:

САДИКОВА Валентина Алексеевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и классического языкознания Тверского государственного университета, e-mail: vsadnik46@mail.ru